

Kuli-Zade Z.A. *Nasimi – filosof i poet Vostoka* [Nasimi – the Philosopher and the Poet of Vostok]. Baku, 1973.

Kuli-Zade Z. *Hurufizm i ego predstaviteli v Azerbajdzhane* [Hurufism and Its Representatives in Azerbaijan]. Baku, 1970.

Osho R. *Lyudi puti. O sufijyah, sufizme i sufijjskih istoriyah* [People of the Way. About Sufis, Sufism and Sufi stories]. Sankt-Peterburg, 2013.

Rustamov Y. *Poeziya Nasimi – religiya lyubvi k Istine (nekotorye razmyshleniya o mirovozzrenii poeta pod vpechatleniem novogo prochteniya sbornika ego stihotvoreniij)* [Nasimi's Poetry is a Religion of Love of Truth (some reflections on the poet's worldview under the influence of a new reading of the collection of his poems)]. *Mutarcim* [Mutarcim]. 2006. No. 3–4.

Hodgson M. *Istoriya islama: Islamskaya civilizaciya ot rozhdeniya do nashih dneij* [History of Islam: Islamic Civilization from Birth to the Present Day]. Translation from English by A.N. Gordienko, I.V. Matveev, N.V. Shevchenko. Moskva, 2013.

Babayev Y. *History of Azerbaijani literature (XIII – XVIII centuries)*. Baku, 2018.

Hodgson M. *The Venture of Islam. Conscience and History in a World Civilization*. Chicago and London, 1977.

Nasimi Imasaddin. *Iraq Divani*. Baku, 2018.

Sayid Imaddin Nasimi. *History of Azerbaijani Literature*. Baku, 2009.

Shikhiyeva S. Nasimi's Irfan Meetings. *Civilization*. 2016. No. 4.

List of sources

Nasimi I. *Lirika* [Lyrics]. Moskva, 1973.

Nasimi I. *Vrata Drevnego Vostoka* [Gates of the Ancient East]. Transl. by T. Streshneva. Baku, 1980.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КАРТИНА МИРА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АЛЕКСАНДРА ЕРЕДЕЕВА

М.С. Дедина

Ключевые слова: алтайская литература, Александр Ередеев, автор, художественное пространство, картина мира, образ, система, топос, мотив.

Keywords: Altaian literature, Alexander Eredeev, author, artistic space, worldview, image, system, topos, motif.

DOI 10.14258/filichel(2019)4-10

В алтайской литературе второй половины XX века Александр Ередеев занял особую нишу, став удивительно тонким писателем с

живописным видением окружающего мира, мастером, который через звукопись, цветоописание, отражение еле уловимых запахов и шорохов создает удивительный и гармоничный мир. Автор стремится передать тончайшие процессы, происходящие как в природе, так и во внутренних мироощущениях человека. А. Ередеева можно назвать мастером детали, который и в поэзии и в прозаических произведениях пытался донести до своего читателя мысль о величии и ранимости окружающего мира, живущего по своим вековечным мудрым законам. Об этих специфичных чертах произведений автора писали практически все, кто соприкасался с его творчеством. Г. Кондаков, к примеру, отмечал: «А. Ередеев – тонкий и своеобразный поэт, хорошо чувствующий слово родного языка, стремящийся к созданию образов, отличающихся акварельной прозрачностью. Ему по душе нежная, мягкая палитра красок, отражающая не только главные цвета жизни, но и ее тончайшие переходы из одного качества в другое. Поэт умеет физически ощутимо передавать самые тонкие, едва уловимые движения природы. Иногда кажется, что А. Ередееву недостает страстности, гражданственности, но нельзя не видеть родниковой свежести, неповторимого аромата, живущего в его стихах, нельзя не считаться с природой его поэтического дарования» [История алтайской литературы, 2004, с. 341].

А. Ередеев пришел в литературу в 60-е года XX века, в «период бурной и противоречивой идеологической жизни в стране и в мире в целом, начала борьбы установившегося догматического взгляда на мир и судьбы народов» [История алтайской литературы, 2004, с. 276]. В первом сборнике А. Ередеева «Эзлик» («Завязь») присутствуют все специфические черты алтайской поэзии 60-х годов XX века: в первой части были опубликованы стихотворения, посвященные Ленину, партии, миру во всем мире и людям труда, а вторая – пейзажные зарисовки, воспевание родной земли, посвящения любимой и т.д.

Не случайно название первого сборника поэта связано с одним из основных символов-маркеров Горного Алтая – кедром. *Эзлик* в переводе с алтайского – это «почка кедрового ореха (которая на будущий год будет орехоносной); зародыш кедровой шишки» [Алтайско-русский словарь, 2018, с. 908]. Образ кедра постоянен в алтайской литературе, а в традиционном мировоззрении он связан с такими мифологемами как гора и коновязь. Во-первых, данный образ семантически связан с древнейшей мифологемой мирового древа, некой оси вселенной, связывающей разрозненные пространственные слои. Во-вторых, в алтайской литературе образ кедра становится

постоянным символом-маркером Алтай, воспринимаемого как территория «своей» земли, обожествляемого и воспеваемого.

Для алтайской лирики XX века характерно присутствие фольклорного мышления, проявленного не только на уровне жанровых форм, но в большей степени в семантическом восприятии и способах отражения окружающего пространства. Еще в начале XX века в известном произведении Г.И. Чорос-Гуркина «Алтай (Плач алтайца на чужбине)» кедр наряду с горой и рекой стал одним из ключевых образов, репрезентирующих мифологический образ Священного Алтая, а в 1960-х годах в своем программном стихотворении «Я горного кедра колючая ветка» лирический герой Б. Укачина позиционирует себя частью своего народа и Алтая. Образ Алтая, который стал центральным в творчестве Г.И. Гуркина, мифологизированный, живой и сакральный, присутствует и в художественном пространстве произведений алтайских писателей второй половины и конца XX века. О программном полотне Г. Гуркина «Хан Алтай», обладающем ярко выраженной национально-специфической символикой, писали: «Восстанавливая многозначную символику образов, можно значительно расширить понимание пейзажного произведения Гуркина, ощутить его национальную специфику. Восприятие очеловеченного кедра, могучего орла и верховного духа идет от визуально-достоверных изображений к своим мифопоэтическим образам. Так, облик Хан-Алтая не имеет явных видимых очертаний и узнается с помощью поэтической метафоры, которая широко известна в народной лирике: «Треуголен ты, Хан-Алтай, когда взглянешь на тебя с высоты» [Куляпин, 2019, с. 46]. Символы-маркеры Алтая присутствуют и в литературных произведениях Г. Гуркина и «в двух очерках Г.И. Чорос-Гуркина “Алтай и Катунь” (1911), “Мой Алтай” (1917)», в которых «река Катунь осмысливается автором как неотъемлемая часть общей мифологической концепции мира, где гора Хан-Алтай задает вертикальную, а великая Катунь – горизонтальную систему координат» [Худенко, 2019, с. 105]. Кроме того, как известно, «гора выступает в качестве наиболее распространенного варианта древа мирового» [Мифы народов мира, 1987, с. 313].

Безусловно, молодой поэт А. Ередеев названием своего первого сборника, связав его с зарождающимся кедром, подчеркивает связь своего творчества и с родной землей, и с народом, и с литературными традициями как алтайской, так и мировой культуры. Его литературная судьба могла сложиться по-разному, и творческая эволюция, признание, литературный успех зависели от многих обстоятельств. Об

этом не мог не думать писатель, дав своему первому сборнику стихов очень символичное название.

Образ кедрового дерева в творчестве А. Ередеева становится сквозным. В стихотворении «Унчукпас мѳшкѳ» («Молчаливому кедровому»), к примеру, он перекликается с образом старого мудрого человека, и кедр здесь становится молчаливым свидетелем уходящего времени. «По представлениям южно-сибирских тюрков, все существа иной (природной) сферы выступали в качестве их старших родственников, предков. Это придавало «отношениям» доверительность и теплоту, делало их прочными и подтверждаемыми. Невидимая пуповина родственных отношений связывала общество и природу, что и позволяет нам говорить о мифоэкологичности древнего мировоззрения. Она, разумеется, несводима только к рациональным приемам природопользования и реализуется много шире и значимей – как ощущение соприродности своего бытия» [Традиционное мировоззрение..., 1998, с. 187].

Олицетворение как художественный прием в сочетании с метафорическими параллелями в авторском тексте дают четкую проекцию на человеческий образ: «Продавив землю, сидящие, / Мхом поросшие, тяжелые / Горы молчат» (Ередеев, 1961, с. 55)¹.

Образ кедрового дерева в лирике поэта связан с чистотой, святостью родной земли. К примеру, у него есть такие строки: «Ару мѳштин бѳринен / Айдын чогы сыксылат / Катунь кара чачыма / Кандый якшы тамын жат!» («С ветвей чистого кедрового / Считается лунный свет. / На мои жесткие черные волосы / Как же хорошо капает!») (Ередеев, 2009, с. 19).

Уже в зрелый период своего творчества А. Ередеев написал стихотворение «Кандый да койу, серѳн мѳшсѳ...» («Как-то густо, прохладно и кедрово...»). Хронотоп летней ночи в тайге постоянно появляется в художественной картине мира алтайских писателей, становится неким философским откровением, когда человек наедине с природой осмысливает свое существование. В стихотворении А. Ередеева эта ночь становится неким идеальным состоянием и лирический герой, наслаждаясь летней ночью в горах, понимает, что это момент наивысшего счастья: он дома, в объятиях родной земли, постелившей ему ложе из густых трав. В какой-то момент он вдруг понимает, что находится в колыбели: «Бир сананзам, кабайда жаткамдый, / Бийик тенериге илип салгандый. / Ол дезе жайканат,

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи; перевод наш – М.Д.

жайканат. / Ойгор сыркынду күү томылат (Вдруг подумаю, лежу в колыбели, / Она подвешена к высокому небу / Качается, качается, / Звучит торжественная мелодия» (Ередеев, 2009, с. 85).

В художественном мире А. Ередеева особое место, наряду с другими природными объектами, принадлежит образам птиц. В лирике поэта данные образы связаны, прежде всего, с мифо-фольклорными представлениями алтайцев. В мировоззрении тюркских народов Южной Сибири одним из неоднозначных является образ кукушки. В. Бурнаков отмечает: «В традиционном сознании хакасов образ кукушки был амбивалентен. Она воспринималась в качестве сакральной фигуры, определяющей природные ритмы, которые в свою очередь способствовали зарождению новой жизни. ... Подобные воззрения были присущи и другим тюркским народам Южной Сибири. Так, например, по представлениям тувинцев, кукушка являлась вестником проснувшейся природы, ее первое кукование означало приход лета» [Бурнаков, 2008, с. 305]. В героическом эпосе алтайцев кукушка также является постоянным образом. «Исследователи отмечают, что кукушка является еще символом процветания страны, символом благодатного Алтая, где нет ни зимы, ни лета, и где живет богатырь. Во многих сказаниях встречается устойчивое выражение: *эдил күүги эдип жадар жайы-кыжы билдирбес, кеен Жараш Алтайда* – “в прекрасном Алтае, где (всегда) кукует кукушка, где нет разницы между зимой и летом”» [Муйтуева, 2018, с. 32].

В упомянутом выше стихотворении А. Ередеева «Молчаливому кедру» «через традиционные символы маркеры национального образа мира поэт по контрасту отражает быстротечность времени и образ кукушки, вплетенный в художественную ткань стихотворения, и отсчитывающей время усиливает эффект тревоги. “*Древние кедры, / Накрывшись снегом, / Погрузились в думу, / Разглядывают землю. / Считая время, / Умоляя, умоляя / Кукушка на вершине / Не унимает голоса*”» [История алтайской литературы, 2019, с. 91].

Образ кукушки в алтайской литературе традиционно связан приходом весны, пробуждением природы, наступлением благодатного времени «большого молока». В стихотворении А. Ередеева «Яскыда» («Весной») читаем: «*Күүк жынкылдада эдип ле жат, / Күүнимди ыраак жылдарга учурат. / Бастыра бойым чечектеп калдым, / Байла, күүзимди сакыйтан турум... / Бу ла ойдо, ырысту тужымда, / Поэзия та менде, та бу жаста!*» («Кукушка звонко кукует и кукует, / Желания мои уносит в далекие годы. / Весь я расцвел, / Наверно, буду ждать свою осень... / В это время, когда я счастлив, / Поэзия то ли во мне, то ли в этой весне!») (Ередеев, 2009, с. 18).

В стихотворении «Күс ле келзе» («Как только приходит осень») через сопоставление образов домашних и диких гусей поэт размышляет о необходимости разрыва своего знакомого пространства и открытии нового и неизведанного. Образ гусей, элегический тон стихотворения, осенняя грусть настраивают на философскую рефлексию о смысле бытия. Автор сравнивает звезды с вереницей улетающих лебедей, которые медленно плывут в бесконечности вселенной, и выстраивает параллели с человеческой жизнью, когда неизведанное влечет в незнакомые дали. Многоточие создает размеренный ритм стихотворения и одновременно подчеркивает недосказанность: *«Словно стая лебедей, звезды мелькая, / Движутся в глубину вечной вселенной. / Надежда в сердце теплится, / Опять зовет в долгую дорогу...»* (Ередеев, 1961, с. 6).

В 1968 году был издан сборник «Яйлунын лириказы» («Яйлинская лирика»), в котором наблюдается углубление семантической образной системы и философского содержания стихотворений. В стихотворении «Көлдөги көбүктер» («Пена на озере») основной является тема мира на земле, переданная через описание ночного озера, наполненного тишиной и покоем. Образы отдыхающего водоема и мирно дремлющего на волнах лебедя переданы через спокойные и мягкие цветовые и звуковые тона, а особая ритмизация строфы выражена в аллитерационной рифме, повторах, многоточиях и целом ряде метафорических аллюзий, поддерживающих гармоничную и спокойную тональность: *«На этом отдыхающем озере / Тихо-тихо гаснет пена... / На этом подернутом рябью озере, / Лебедь, качаясь, смотрит сны»* (Ередеев, 1968, с. 9).

Образ пенных пузырей на озере в стихотворении А. Ередеева становится антиподом сотрясающих планету ядерных взрывов, а умиротворенная картина ночного озера проецируется на всю планету через метафору кружащегося озера: *«Айланьп жаткан бу көлдө / Араай-Араай көбүктер жарызын! / Анагаи куу бу суда / Амыр-энчү жүзүп жүрзин!»* («На кружащемся озере, / Пусть пузыри бесшумно лопаются! / Белоснежный лебедь на этой воде / Пусть спокойно плавает!») (Ередеев, 1968, с. 9).

Лирический герой все чаще задумывается о быстротечности жизни и необратимости ушедшего времени. Центральным образом в этом сборнике стала осень, которая в авторской рецепции репрезентируется амбивалентно: это, во-первых, пора увядания, но в то же время для него она – и период зрелости, когда наступает этап подведения итогов и переоценки ценностей. Эта двойственность в философской рефлексии бытия часто у поэта проявляется в дуальности

образной составляющей. К примеру, в стихотворении «Кызыл чечек» («Красный цветок») присутствует контрастное изображение противоположных понятий: тепло и холод, север и юг, снег и тропическая жара, противопоставляются свое и другое («чужое») пространство: мороз вздыхает о тепле, а неизбежность и естественность извечного отрицания становится основополагающей философской концепцией автора.

Характерной чертой поздней лирики А. Ередеева становится тревожная экологическая тема. В своей автобиографии в 1996 году он писал: «Сегодня перед нами стоят серьезные и острые вопросы о состоянии природы. Все больше человек теряет с ней связь. Это может нанести огромный вред всей планете. В моем творчестве это особое направление» (Алтайские писатели, 2001, с. 147). Впервые с тотальным губительным отношением к природе А. Ередееву пришлось столкнуться еще в 1960-х годах. Школа, в которой он работал учителем начальных классов с момента основания, работала недолго, наступили новые времена, у колхозников не стало работы и они стали переезжать. Когда-то процветающий Дьайлу остался в запустении, кроме того, в этих местах, прокладывая дорогу, вырубили деревья, что нанесло огромный вред заповедной природе.

В сборнике «Кöзимнин чогы» («Свет мох глаз»), изданном в 1983 году, в стихотворениях «Жериме келеле...» («На родной земле»), «Төрөл суула куучын» («Разговор с родной рекой»), «Жеткердин топчызы» («Кнопка тревоги»), «Эликке туштайла» («Встретив косылу») и др. выражена тревога за судьбу своей родины, за планету как за общий дом. Если в ранних произведениях автора данная тема звучала как возможная угроза всему живому от атомной энергии, от ядерного взрыва, то в поздней лирике лирический герой видит трагические последствия именно от деяний человека, от его бездумного отношения к окружающей его природе.

Стихотворение «Төрөл суула куучын» («Разговор с родной рекой») построено в форме диалога. Лирический герой в своем монологе, озаглавленном «Менинг комыдалым» («Моя жалоба»), обращается к реке, которая ему, в свою очередь, отвечает своим монологом – «Мать-река». В данном произведении, при всей экологической катастрофичности ситуации, нет отчаяния и обреченности: пусть бездумная вырубка лесов поменяла русло матери-реки, однако, автор подчеркивает – еще возможно восстановление былой ее силы, еще вырастут на ее берегах новые деревья. *«Не горюй и не тоскуй, / Будет и новое поколение. / Разве оскудеет земля Алтай? / Найдется и из этого спасение. / Время, время движется / Со мною*

вместе. / Любовь молодых / Придет и на мои берега» (Ередеев, 1983, с. 12).

Одним из самых известных произведений А. Ередеева является сказка для детей «Ажудагы балыктар» («Рыбки на перевале»). Уже в названии произведения заложена основная идея автора, для интерпретации смыслового значения которой важна расшифровка ключевых образов – «рыба» и «перевал». Образ рыбы, как в романе Рут Озеки «Моя рыба будет жить», «амбивалентен, символизирует жизнь и смерть одновременно: рыба живуча в воде, но быстро погибает «на воздухе», поэтому грань между жизнью и смертью рыбы очень тонка» [Ан, Изотова, 2019, с. 129]. Перевал же здесь становится символической чертой, которая «понимается как некий рубеж, середина пути, преодоление самой трудной его части» [Дедина, 2018, с. 220].

Рассказ А. Ередеева представляет собой иносказание, которое, прочитывается как нравственно-философский трактат. В основе сюжета – экологическая тема загрязнения водоема техническими отходами, из-за чего существование рыбы становится невозможным. Здесь описываются и смелость, и надежда на лучшую жизнь, и ответственность перед коллективом. Во-первых, начинается сказка с удивления: непривычно тихо сегодня на озере, а все потому, что все рыбки собрались на дне озера для обсуждения назревавшей давно проблемы (это так напоминает колхозные собрания) и на повестке один единственный важный вопрос – дальнейшее существование рыб в их естественной среде обитания, постоянно загрязняемой двуногими существами (людьми). Во-вторых, в данном произведении через обращение к образам рыб писатель метафорически размышляет о смене человеком привычного образа жизни, о разрыве раз и навсегда проторенного круга и возможности другого существования, о том, что не стоит бояться перемен и двигаться навстречу новому и неизведанному. В-третьих, в произведении, безусловно, затрагивается очень болезненная тема бездумного отношения к окружающей среде и экологическая проблема загрязнения водоемов [История..., 2019, с. 112].

Впервые эта тема у А. Ередеева возникла в стихотворении «Јериме келеле...» («На родной земле»), где возникают две радуги: на воде вдруг лирический герой видит радужные разводы бензиновых пятен, которые уничтожили рыб с радужными плавниками. В отчаянии закликает он человека, напоминает ему, что для будущих поколений нужно сохранить первозданность природы, дать своим детям возможность постоять с удочкой у края чистой воды.

Суунын үстінде жааштын
солонгызы

Сүүнчи жайып жажына турзын!

(Ередеев, 1983, с. 11).

Пусть над водой дождевая
радуга,

Вечно стоит, на радость всем!

В творчестве А. Ередеева постоянным становится герой-писатель, а его произведения часто написаны от первого лица. Особого внимания у А. Ередеева к теме поэта и поэзии не было, однако в его понимании пишущий творческий человек видит, понимает и чувствует немного больше, чем другие. К примеру, в лирическом коротком рассказе «Тогус жаны ай жараш...» («Красива луна на девятый день после новолуния...») автор-рассказчик погружает читателя в удивительный, загадочный мир летней лунной ночи, когда все погружено в спокойную дремоту. *«Лунная ночь. Ее синеватый туман, похожий на молоко, наполнил село. Сверкает натянутая с дерева на дерево паутина. Где-то под зеленым листочком видно, как течет, сияя, ручеек. Сонный комарик стих среди мягкой травы»* (Ередеев, 1966, с. 49).

И в этой завораживающей тишине герой-рассказчик фокусирует свой взгляд то на одной, то на другой фигуре. Вот он видит, что из своего аила выглядывает старая женщина, которая, удивившись столь яркой луне, восклицает, что в такую лунную ночь хорошо валять шерсть. С тем, что ночь чудесная, соглашается старик, вышедший за ней из аила, однако для него в такое время хорошо сидеть в тайге, поджидая зверя. Внимание повествователя переносится на поляну около фермы, где появляются фигуры влюбленных. Вновь все стихает и в этой волшебной тишине вдруг, как это часто у А. Ередеева, возникает песня. Возможно, предполагает рассказчик, это поет молодая чабанка, возвращающаяся домой с работы. Мелодия песни будто бы качается на волнах этого лунного сияния и автор-рассказчик восклицает: *«Это какая волшебная и красивая песня! Слова ее проникают мне в душу, словно серебряные капли проникают мне в сердце. Как же сегодня можно уснуть? Сегодня один человек в глубокой грусти, другой – от счастья поет, третий бесцельно бродит. Я же сегодня пишу стихи. Слова стихов, сверкая, капают и капают на бумагу...»* (Ередеев, 1966, с. 41).

В рассказе «Сыгыннын үни» («Голос марала») из одноименного сборника автора также узнаваем образ поэта, творческого человека. Повествование вновь ведется от первого лица. Перед нами раскрывается картина осеннего леса, погруженного в спокойное самосозерцание, ощущение которого усиливается и усталостью рассказчика, и бесконечным листопадом, и грустью от взгляда на

оголенные ветки берез. Реальное пространство, описанное с романтической патетикой, сменяется хронотопом другого, сказочно-идиллического, и герой погружается в сладкую дремоту. Через множество метафорических сравнений автор рисует удивительную романтически-приподнятую картину, когда голос марала становится воплощением чудесного дара, пробуждающего в человеке глубинные, самые сокровенные тайники души. *«Мне показалось, что этот волшебный голос раскрывает передо мной спокойную красоту родной земли. Почему-то в этот миг я подумал о длинном-длинном пути пусть и немногочисленного своего народа, который ходил по этим полянам, наживал и сохранял свое богатство. В этом шестигранном продолжительном звуке есть нерв мысли и дум. Кто его может почувствовать – быть может прославленный кайчи или великий певец»* (Ередеев, 1966, с. 4).

Внезапно романтическое волшебное наваждение пропадает, лирический герой вдруг понимает, что он охотник, который должен принести мясо своим детям, которые ждут его с добычей дома. Деревянный амыргы¹ героя, при всем старании изобразить похожий на голос марала звук, неожиданно издает неестественный и фальшивый крик: *«Желая повторить пронзительный голос марала, я неожиданно для себя издал какой-то странный звук. Тьфук, на поляне только раздался торопливый стук копыт. Я побежал в сторону этого звука и увидел, как через поляну летит с шестигранными рогами марал. Даже не оглянувшись на то место, откуда раздался отвратительный крик, он скрылся за хребтом»* (Ередеев, 1966, с. 4).

Данное произведение для А. Ередева во многом стало метафорой литературного творчества, философским размышлением о смысле писательского труда. Эта идея писателя раскрывается в финале рассказа. Во-первых, герой расстроен тем, что он упустил добычу, которая, казалось бы, была уже совсем рядом. Во-вторых, он думает: *«Слышал я или нет народную пословицу, которая гласит, что «Люди не поверят твоим словам, которые исходят не из сердца», но сегодня я, попытавшись издать звук, исходящий из сердца, напугал, отогнал таким образом удивительно красивого марала»* (Ередеев, 1966, с. 5). Марал в данном контексте становится символом естественного природного воплощения красоты и величия, в том числе и символом литературного успеха, божественного дарования. Это чувство усиливается образом осеннего леса и листопада, который как бесконечная вереница дней погружает, затягивает в себя. *«Заметенный*

¹ Амыргы – манок (для приманивания маралов).

осенней листвою, скользя по шелестящим листьям, грустный возвращаюсь я домой. Дети, ожидая меня с добычей, прибежали навстречу. Ничего, хоть я и не принес жирных почек, но услышав красивый голос марала, я принес в сердце неувядающую родную поэзию...» (Ередеев, 1966, с. 5).

Для А. Ередеева источником творческого вдохновения становится сама природа, однако изображаемое должно непременно пройти через чувствительное сердце, готовое открыться красоте, понять и воспринять удивительный и чудесный мир, полный неведомых тайн. В произведениях А. Ередеева основным становится лирическое и лиро-философское осмысление человеческого существования, о котором автор размышляет в пейзажных зарисовках. В рассказе-миниатюре «Солоны» («Радуга») присутствует философское раздумье о бытии человека на Земле. *«Через тайгу протянута очень красивая яркая радуга. Один конец свой она опустила прямо в воду. На волне разноцветные ниточки натянувшись, расстепались. Другой конец зацепился за верхушку кедра. / В этот момент, когда я посмотрел на свой Алтай, он словно колыбель на разноцветных шелковых веревочках. Ее словно привязали к небу, и она тихо-тихо раскачивается. / Я же, словно ребенок, который лежит в ней и, гуляя, с удивлением рассматривает небо и землю»* (Ередеев, 1966, с. 47).

В 1998 году А. Ередеев издает очередной сборник своих новых произведений «НЛО по Айлан» («НЛО и Айлан»). Название сборника поражает читателя необычностью и загадочностью, и обращение писателя к фантастическому сюжету становится лишь средством выражения традиционных для него базовых философских ценностей. Основным центральным камертоном произведения является тема человека и природы. Фантастический сюжет является для писателя средством изображения идеального и гармоничного мира единения человека и природы. Автор подчеркивает, что только дети с их чистой душой способны органично сливаться и сосуществовать с природным миром. Айлан идеализирован автором, поэтому, по мысли автора, пришельцы именно его выбирают для взаимодействия с землянами. Он уже не ребенок и еще не взрослый, однако в таких как Айлан автор видит надежду на будущее человечества.

Таким образом, в произведениях А. Ередеева основной составляющей авторской художественной картины является особая образность, основанная на отражении всех тонкостей природного начала и постижение средств и способов взаимодействия с ней человека. Основные лейтмотивные линии, доминантой прозвучавшие в его раннем творчестве, не только не изменились, но были усилены и

углублены в поздних произведениях писателя. Центральным героем произведений А. Ередеева становится ребенок, который познает законы природы и гармонично сливается с ней. Учитывая, что А. Ередеев позиционировал себя как детский писатель, в его произведениях сильно дидактическое начало. Идеальный герой для писателя – это человек, любящий и уважающий себя и окружающий его мир, знающий законы природы и никогда их не нарушающий. Писатель сам бесконечно познавал природный мир, изучал его, восхищался и преклонялся. По мысли автора, именно человек пишущий обладает тонкой и чувствительной натурой, острым зрением и слухом, без которых невозможно понять все загадочное многообразие, величие и красоту окружающей его такой удивительной и многообразной действительности.

Литература

- Ан С.А., Изотова Я.П. О вечном и временном: семантика заглавия романа Рут Озеки «Моя рыба будет жить» // Филология и человек. 2019. № 1. DOI: 10.14258/filichel(2019)1-11
- Алтайско-русский словарь. Горно-Алтайск, 2018.
- Бурнаков В.А. Образ кукушки в мифо-поэтической и ритуальной традиции хакасов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Том: 14. 2008.
- Дедина М.С. Актуализация мифологемы «родная земля» в алтайской литературе второй половины XX века // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2017. Вып. 7. История алтайской литературы. Книга 1. Горно-Алтайск, 2004.
- История алтайской литературы. Книга 3. Литературные портреты. Горно-Алтайск, 2019.
- Куляпин А.И. Образ Алтая в рассказе В. Бианки «Она» // Филология и человек. 2019. № 2. DOI: 10.14258/filichel(2019)2-04
- Маточкин Е.П. Визуальные образы фольклора в творчестве художников Горного Алтая // Сибирский филологический журнал. 2009. № 4.
- Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х тт. М., 1987. Т. 1.
- Муйтуева И.Н. Образ птиц в традиционной культуре алтайцев // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. М. 2018. № 1-2.
- Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск, 1990.
- Худенко Е.А. Реки Алтая в отечественной литературе XX – XXI вв.: мифопоэтика и символика // Филология и человек. 2018. № 3.

Список источников

- Алтайские писатели. Юбилейные материалы и автобиографии. Горно-Алтайск, 2001.
- Ередеев А.Я. Эзлик (Завязь). Горно-Алтайск, 1961.
- Ередеев А.Я. Сыгынныг уни (Голос марала). Горно-Алтайск, 1966.

- Ередеев А.Я. НЛО ло Айлан (НЛО и Айлан). Горно-Алтайск, 1998.
 Ередеев А.Я. Жайлунын лирикасы (Жайлинская лирика). Горно-Алтайск, 1968.
 Ередеев А.Я. Көзимниң чогы (Свет моих глаз): Стихи и поэмы. Горно-Алтайск, 1983.

References

- An S.A. Izotova Ya.P. *O vechnom i vremennom: semantika zaglaviya romana Rut Ozeki «Moya ryba budet zhit»* [On the Eternal and Temporary: the Semantics of the Title of the Novel by Ruth Ozeka «My fish will live»]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2019. № 1. DOI: 10.14258/filichel(2019)1-11
- Altaysko-russkiy slovar* [Altai-Russian Dictionary]. Gorno-Altaysk, 2018.
- Burnakov V.A. *Obraz kukushki v mifo-poeticheskoy i ritual'noy traditsii khakasov* [The Image of a Cuckoo in the Mythological, Poetic and Ritual Tradition of the Khakass]. *Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Vol. 14. 2008.
- Dedina M.S. *Aktualizatsiya mifologemy «rodnaya zemlya» v altayskoy literature vtoroy poloviny XX veka* [The Actualization of the Mythology «Native Land» in Altai Literature of the second half of the twentieth century]. *Altayskiy tekst v russkoy kul'ture* [Altai Text in Russian Culture]. Barnaul, 2017. Iss. 7.
- Istoriya altayskoy literatury* [History of Altai literature]. Gorno-Altaysk, 2004.
- Istoriya altayskoy literatury* [History of Altai literature]. Gorno-Altaysk, 2019.
- Matochkin E.P. *Vizual'nye obrazy fol'klora v tvorchestve khudozhnikov Gornogo Altaya* [Visual Images of Folklore in the Works of Artists of the Altai Mountains]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal* [Siberian Philological Journal]. 2009. No. 4.
- Mify narodov mira*. [Myths of the Peoples of the World]. In 2 vols. Moskva, 1987. Vol. 1.
- Muytueva I.N. *Obraz ptits v traditsionnoy kul'ture altaytsev* [The Image of Birds in the Traditional Culture of Altai]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki* [Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice]. Moskva, 2018. No. 1-2.
- Sagalaev A.M., Oktyabr'skaya I.V. *Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoy Sibiri. Znak i ritual* [The Traditional Worldview of the Turks of Southern Siberia. Sign and Ritual]. Novosibirsk, 1990.
- Hudenko E.A. *Reki Altaya v otechestvennoy literature XX – XXI vv.: mifopoetika i simbolika* [Altai Rivers in Russian Literature of the 20th – 21st centuries: Mythopoetics and Symbolism]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2019. No. 2.

List of sources

- Altayskie pisateli. Yubileynye materialy i avtobiografii* [Altai writers. Anniversary Materials and Autobiographies]. Gorno-Altaysk, 2001.
- Eredeev A.Ya. *Ezlik (Zavyaz')* [Ovary]. Gorno-Altaysk, 1961.
- Eredeev A.Ya. *Sygyynyр jini (Golos marala)* [Maral's Voice]. Gorno-Altaysk, 1966.
- Eredeev A.Ya. *NLO lo Aylan* [NLO and Aylan]. Gorno-Altaysk, 1998.
- Eredeev A.Ya. *Jaylunyr lirikazy (Yaylinskaya lirika)* [Lyrics of Yailu]. Gorno-Altaysk, 1968.
- Eredeev A.Ya. *Közimniң chogy (Svet moikh glaz)* [The Light of My Eyes]. Gorno-Altaysk, 1983.